

ФОРМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ВАРЛАМОВА «КУПОЛ»

FORMS OF ALTERNATIVE CULTURAL SPACE IN ALEXEI VARLAMOV'S NOVEL "THE DOME"

N. Polyakova

Summary: The aim of this article is to examine the artistic forms of alternative cultural space – a literary phenomenon not included in the official culture of the totalitarian period of Russian history – in A. Varlamov's novel «The Dome.» These phenomena include samizdat literature, bard songs, Western «radio voices,» student subculture, and underground rock concerts. The article examines the «province-capital» antithesis presented in the novel and analyzes the image of time it recreates—the Soviet and late-Soviet periods in our country's history. The primary research methods are comparative historical and structural. As a result of this study, it was possible to establish that by demonstrating the characters' affiliation with cultural forms other than those officially sanctioned and controlled by the state, the author creates a special (alternative) cultural space in the work.

Keywords: cultural space, alternative cultural space, Soviet culture, samizdat, subculture.

Полякова Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент, Пермский
национальный исследовательский политехнический
университет
polyana0105@yandex.ru

Аннотация: Целью статьи является исследование художественных форм альтернативного культурного пространства – литературного феномена, не включенного в официальную культуру тоталитарного периода российской истории – в романе А. Варламова «Купол». К таким явлениям относятся литература самиздата, авторская песня, западные «радиоголоса», студенческая субкультура, подпольные концерты рок-музыки. В статье рассматривается антитеза «провинция – столица», представленная в романе, а также анализируется воссозданный в нем образ времени – советский и позднесоветский периоды в истории нашей страны. Основными методами исследования являются сравнительно-исторический и структурный. В результате проведенного исследования удалось установить, что, показывая принадлежность героев к иным формам культуры, кроме официально разрешенной и подконтрольной государству, автор создает в произведении особое (альтернативное) культурное пространство.

Ключевые слова: культурное пространство, альтернативное культурное пространство, советская культура, самиздат, субкультура.

Введение

Термин «культурное пространство» определяется как «Художественная картина мира эпохи, трансформированная в уникальную картину восприятия мира конкретного Художника, визуализированную символами-образами в художественном тексте и интерпретируемую рецепиентом, составляет культурное пространство художественного текста» [3, С. 40]. Под культурным пространством понимается «... тот ареал, в котором протекает жизнь культуры» [6, С. 212]. Культурное пространство – необходимое условие существования, развития, функционирования различных культурных форм, в которых выражается и сохраняется содержание общественной жизни в каждый конкретный исторический период. Культурное пространство советского периода истории нашей страны представляет собой явление «противоречивое и дисгармоничное» [8, С. 6]. В данный период существовала как официально признанная «разрешенная» культура, так и противопоставленная ей культура оппозиции, то есть альтернативная художественная модель, формирующая иной образ культурного пространства. Понятие «альтернативное культурное пространство» научно обосновано в работах С.В. Бурдиной, Б.В. Кондакова, Н.А. Поляковой [2, С. 459–476].

Основные результаты

«Правдивость и достоверность всегда были творческим стремлением А. Варламова» [4, С. 114]. Действие в романе Алексея Варламова «Купол» разворачивается во время так называемого «застоя» позднего советского периода. Метафора застоя обыгрывается на страницах произведения многократно: «трясина, сонное царство, и порой суеверный страх их охватывал: а вдруг вся империя – такое же клюквенное болото...» [1, С. 12], «проклятое место, обманчивое своей приветливостью, как обманчива трясина» [1, С. 33]. Законопослушный городок Чагодай является в романе собирательным образом всего «застойного» общества: «что бы ни происходило со страной, какие только виражи ни выделявала она – всегда жил Чагодай одним: служил той власти, что на дворе стояла» [1, С. 34].

Главный герой, благодаря своим успехам в математике, приглашен учиться в Москву. Но пережитая в подростковом возрасте психологическая травма не отпускает его: «В интернате было много чудных, не от мира сего учеников. Иные и впрямь страдали душевными расстройствами, но среди них я был едва ли не самым странным» [1, С. 33]. Чагодайская «трясина», соединяясь

в его сознании с пережитым потрясением, постоянно напоминает о себе. Провинциальное «болото» и страх перед унижением отныне прочно взаимосвязаны в сознании героя, неизбежно отражаясь на его мировосприятии. Даже в новой для него московской действительности Никита не способен самостоятельно выбраться из родной «трясины». В письмах отца на жалобы сына говорится: «Нет ничего страшнее русской провинции, ее лакейства и барства. Судьба дала тебе шанс вырваться» [1, С. 35]. В этом биографическом дискурсе прослеживаются «излюбленные у Варламова жанровые черты романа воспитания» [7, С. 159].

«Страшный» мир русской провинции – традиционная для отечественной литературы тема, разрабатываемая А. Чеховым, И. Буниным, М. Горьким [5, С. 25]. А. Варламов также показывает провинциальный мир замкнутым, деструктивным, деформирующим человеческую личность: «Нигде не бывает такой жуткой и мелочной тирании, как в наших милых провинциальных городах, и нигде невозможно так легко изничтожить личность» [1, С. 38]. Провинция губит зачатки таланта, Москва же способствует его развитию. В университете огромное влияние на главного героя оказывает преподаватель математики Евсей Наумович, который «...учил искать соответствия между математикой и музыкой» [1, С. 24]. На своих лекциях он утверждал, что любой по-настоящему великий художник или поэт – это шагнувший за рамки математик. Способность «шагнуть за рамки» формируется у Никиты именно на лекциях Евсея Наумовича: «...Мне казалось, он учил нас не высшей математике, а еще не открытой науке, находящейся даже не на стыке разных областей знания, а у самой границы познаваемого мира с тем, чтобы эту границу взломать и незаконно пересечь» [1, С. 25]. Первые попытки шагнуть «за границы» становятся для главного героя проникновением в иную, альтернативную, культурную среду. Судьба интеллигенции в русской прозе рубежа XX–XXI вв. на примере произведений А. Варламова исследуется в работах И. Вильховского [5, С. 24–28]. Говоря о преподавателе математики, герой признается: «...никто не имел надо мною столько власти» [1, С. 59]. Следующим этапом в «освоении» нового культурного пространства становится для Никиты чтение запрещенной самиздатовской литературы: «...я принялся читать слепые самиздатовские распечатки, встречаться с такими же ушибленными людьми, ходить в мастерские скульпторов и художников, на подпольные концерты рок-музыки, что проводились в общежитиях на окраине Москвы» [1, С. 28]. «Андеграундное» существование неофициальной литературы в СССР было тесно связано с «самиздатскими литературными альманахами» [6, С. 211]. Знакомство с андеграундной культурой становится для героя еще одной формой выхода «за рамки» привычного миропонимания: «...мне даже в голову не могло прийти, что такие вещи в наше время возможны»

[1, С. 28]. В завершение своего выхода «за рамки» Никита совершает рискованный для того времени поступок, свидетельствующий о достижении им определенного уровня внутренней свободы: «...я сжег позорную красную книжицу члена ВЛКСМ, всю испещренную разными по степени яркости штампами со словом «уплочено» [1, С. 37]. Внутренняя эволюция героя, отраженная в изменении его взглядов, чувствований, восприятии новых идей, представляет собой духовную форму альтернативного культурного пространства.

В произведении также представлены социальные формы альтернативного культурного пространства. «Как писатель-реалист А. Варламов не может не показать читателю портрет эпохи рубежа веков, что и служит выявлению социально-исторического типа художественного времени» [10, С. 30]. В романе «Купол» представлен реальный исторический контекст. Это советский и позднесоветский периоды в истории нашей страны, характерные приметы и детали которых воссозданы в произведении. В прозе А. Варламова «формируется тип «героя нашего времени», характерный для культурной ситуации рубежа веков» [9, С. 45]. Еще одной приметой времени являются «вражеские голоса», о которых ловивший в эфире Би-би-си Никита говорит так: «...в эти бессонные часы в притихшем гулком доме слушал «голоса», которые здесь ловились гораздо лучше, чем в Москве» [1, С. 45]. «Голос» из-за «границы» коррелируется в сознании Никиты с образом Евсея Наумовича, математика-музыканта, учившего студентов шагать «за рамки» и сыгравшего столь важную роль в духовном развитии героя. Главная характеристика времени в романе – отсутствие свободы и, как следствие, тоска по ней: «...я уже чувствовал дыхание свободы и видел себя среди тех, кто шел в миллионной толпе по Садовому кольцу, крича изо всех сил: «Да-лой-ка-пэ-эсес, да-лой-ка-пэ-эсес!» [1, С. 25]. Выходы на Красную площадь, «квартирники», «голоса», самиздат, обыски с целью найти запрещенную литературу (книги Б. Пастернака) – такие формы в романе А. Варламова принимают альтернативное культурное пространство в период «застойного» несвободного времени. Еще одной приметой этого времени является постоянный неизбывный страх. Герои романа стыдятся этого чувства, в котором не признаются даже самим себе, и время от времени пытаются его преодолеть. Такой формой преодоления становится спетая во время обыска песня А. Галича: «...сделали это для того, чтобы не было страха» [1, С. 25]. Страх страха – так можно назвать ощущение времени, переживаемое главным героем и его современниками.

Однако долгожданное «дыхание свободы» становится в развитии сюжета с более привычным для того времени явлением, а именно с повсеместным «рабством»: «рабство продолжалось, и не было этому рабству конца» [1, С. 75]. Именно антитеза «свобода –

рабство» лежит в основе главного конфликта произведения, основной трагизм которого состоит в том, что стремление к свободе так и остается нереализованным: «Всю жизнь я чувствовал себя кому-то подотчетным и каждое действие соотносил с тем, что можно и что нельзя» [1, С. 76]. Разочарование от несбывшихся ожиданий характерно не только для главного героя – оно типично для его поколения в целом, недаром Никита «грустил о бессмысленности освободительного движения в моей стране» [1, С. 77]. Давление от вездесущего контроля и запрета вызывает у героя последнее безнадежное желание: «хотелось одного – вырваться из-под колпака» [1, С. 78]. В этом смысле название романа при всей его многозначности имеет четкую смысловую доминанту: купол – «колпак» тотального контроля государственной власти над отдельной человеческой личностью и обществом в целом, «той слепой силы, которая ломает и унижает человека, низводя его на уровень животной твари» [1, С. 79]. Наличие в произведении различных смысловых значений, обеспечивающее полисемантическую его текста, придает альтернативному культурному пространству еще одну форму – символическую.

Заключение

Итак, в романе А. Варламова «Купол» наряду с достоверным историческим контекстом представлено альтернативное культурное пространство, противопоставившее несвободному «духу» времени стремление к свободной самореализации талантливой личности главного героя. Эта «альтернативная» советскому «официозу» [8, С. 17] культура представлена в романе определенными формами художественной реализации. Интерес к иным формам культуры, кроме официально разрешенной и подконтрольной государству, является лейтмотивом произведения. Выходы с протестами на Красную площадь, студенческая субкультура, «квартирники», «голоса», проникающие даже в самую глухую провинцию, самиздат, чтение запрещенной (Б. Пастернак) литературы, преодоление привычного страха перед реальностью, стремление к внутренней свободе – такие формы в романе А. Варламова принимают противостояние позднесоветской официальной культуре. В результате автор формирует особое – альтернативное – культурное пространство. Оно представлено в произведении в совокупности духовной, социальной и символической форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламов А. Купол. – Москва: Эксмо, 2009. – 313 [2] с.
2. Бурдина С.В., Кондаков Б.В., Полякова Н.А. Альтернативное культурное пространство в современной русской прозе // <http://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/issue/view/2720> Vol. 35. 2019. С. 459–476.
3. Быстрова А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. №12. С. 39–47.
4. Ван Чженху Стратегия художественной подлинности в творчестве А.Н. Варламова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград. № 5 (166) 2022. С. 113–116.
5. Вильховский И.И. К вопросу о типологии героев «традиционной» русской прозы XX – XXI вв.: герой-интеллигент в произведениях А. Варламова «Купол» и «Здравствуй, князь!» // Филология и человек, 2023, № 2. С. 24–28.
6. Лапенков В.Б. «Ars rossica: литературная Россия и фабула глобализации», 2003 г. // «Звезда» N 1. – С. 209–222.
7. Ничипоров И.Б. Между современностью и мифом: роман Алексея Варламова «Купол» // Филология и человек, 2022, № 1. С. 159–167.
8. Полякова Н.А. Альтернативное культурное пространство в современной русской литературе // Сб. материалов XLVIII Международной филологической научной конференции / СПбГУ. Санкт-Петербург, 2019. С. 15–20.
9. Счастливец Ю.А. Проза Алексея Варламова 1980-1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие. Магнитогорск, 2007. 184 с.
10. Федорова Т.А. Поэтика прозы Алексея Варламова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Астрахань, 2012. 35 с.

© Полякова Наталья Александровна (polyana0105@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»